АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
29 (92)

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник",
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) — I
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА"
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

В.Н. Залесская

НЕКОТОРЫЕ МЕЛЬКИТСКИЕ ПАМЯТНИКИ X–XI ВВ.*

Искусство мелькитов только в последнее время стало привлекать внимание исследователей. По образному выражению В. Кандеа, в наши дни, подобно тому как в свое время это имело место в отношении Каппадокии, происходит открытие „новой провинции" византийского искусства.[1] Вышедшие работы посвящены живописи мелькитов,[2] а также их литургическим книгам,[3] нередко украшенным миниатюрами.[4] Эти предварительные публикации дают представление о живописи мелькитов XVII–XVIII вв. Что же касается памятников прикладного искусства, особенно относящихся ко времени, предшествующему периоду так наз. Возрождения (XVII в.),[5] то они, если не считать свинцовых медальонов-эвлогий с изображением Симеона Столпника Дивногорца, неизвестны совсем. Однако после победоносных византийских походов середины X в., когда территории Сирии и Палестины вновь стали частью империи, возродились многие паломнические центры, деятельность которых была пресечена завоеваниями арабов. Это были прежде всего центры религиозной и культурной деятельности сирийцев-православных (мелькитов). При знаменитых церквах и мартириях вновь начали функционировать мастерские. Так, один из основных мелькитских культурных центров – монастырь Симеона Столпника младшего на Дивной горе вблизи Антиохии – с приходом византийцев возродил скрипторий, а также существовавшее еще в VI–VII вв. производство медальонов-эвлогий для паломников.[6] Терракотовые и стеклянные эвлогии принято датировать VI–VII вв. Свинцовые же медальоны образуют группу памятников, обладающую рядом иконографических и стилистических особенностей, отличающих их от эвлогий из других материалов и датирующих эту группу X–XI вв.[7] В дальнейшем монастырь на Дивной горе хотя и пришел в упадок, причиненный ему крестоносцами в 1099 г.,[8] все же продолжал оставаться главным центром, где мелькитские патриархи и высшее духовенство находили убежище от преследований латинян.[9]

Так же, как с эвлогиями Симеона Дивногорца, обстоит дело и с датировкой традиционно считаемых сирийскими бронзовых крестов-энколпионов с изображениями Христа, Богоматери и различных святых-орантов; в настоящее время кресты эти исчисляются сотнями экземпляров (рис. 1). Значительная их часть была действительно обнаружена на территории Сирии, в основном при строительстве железной дороги Дамаск-Багдад,[10] стилистические особенности представленных на крестах изображений сближают их с памятниками, исполненными в получившей распространение на Ближнем Востоке „штриховой манере". Привлечение данных археологии позволило установить, что основная масса сирийских крестов с литыми и гравированными изображениями, бытовавшая в средневизантийский период, является не столько древней (VI–VII вв.), сколько воспроизводящей древние образцы.[11] Появление этих энколпионов в различных центрах византийской империи, в комплексах, датируемых X–XII вв., следует связать с массовым вывозом культовых предметов из отвоеванных византийцами святых мест Ближнего Востока.

Рис. 1. Крест: Богоматерь и евангелисты (Гос. Эрмитаж, инв. №Х=32).

В связи с вопросом о мелькитских памятниках X–XI вв. наше внимание привлекла хранящаяся в Эрмитаже бронзовая чаша с рельефными изображениями (рис. 2).[12] Чаша имеет высокие, расширяющиеся кверху стенки и низкую кольцевую ножку; на стенках помещены два пояса изображений: шестнадцать полуфигур святых в позах орантов разделены стилизованными, напоминающими шишки деревьями. У верхнего края с двух сторон – по круглому отверстию. Форма изделия, структурные особенности верхнего края и характер изображений позволяют определить назначение предмета. Это литургическое ведро того типа, каким пользовались при богослужении особые должностные лица, называемые в византийских источниках ὑδροκωμήτης.[13]

Сосуды такого назначения обычно украшались изображениями апостолов, которых могло быть либо ровно двенадцать, как на ведре из христианского музея Ватикана, либо меньшее число, как на предмете из собрания Фурнье.[14] Наряду с изображениями апостолов на литургических ведрах помещались аллегорические фигуры: персонификации церквей, созданных апостолами, или изображения местных почитаемых святых. Сопоставление с такими памятниками позволяет увидеть в рассматриваемом сосуде литургическое ведро, на котором помещены разделенные деревьями – условное изображение райского сада – двенадцать апостолов и четверо неизвестных святых.

Прямые аналоги эрмитажному памятнику отсутствуют. Однако тип композиции и иконография изображений обнаруживают некоторое сходство с византийскими образцами X–XI вв.[15] Особенно характерно положение рук святых перед грудью ладонями наружу.[16]

С другой стороны, исследуемый предмет стилистически близок сирийским бронзовым кадилам, особенно той группе памятников, которая отнесена нами ко времени не ранее X в.[17] В обоих случаях представленные персонажи выделены глубоко врезанными в поверхность металла линиями, они отличаются укороченными

Рис. 2. Ведро с изображением апостолов и четырех сирийских святых (Гос. Эрмитаж, инв. № ω =86).

пропорциями, очертания фигур сведены к простейшим геометрическим элементам, одежды переданы грубо исполненной штриховкой. Торсы – в виде орнаментально разработанных эллипсов. Руки неестественно вывернуты и имеют утрированно длинные пальцы. Рельефно выступающие головы с однообразно и схематично намеченными чертами лица аналогичны таким же изображениям голов на упоминавшихся сирийских кадилах и крестах-энколпионах. Известное сходство обнаруживают также изображения на свинцовых эвлогиях Симеона Дивногорца.

Следует также отметить, что шишкообразные выпуклости на стенках ведра весьма характерны для сосудов ближневосточного происхождения. Их можно видеть как на сирийских стеклянных предметах I–IV вв. н.э.[18], так и на памятниках, созданных после арабского завоевания.[19]

Таким образом, согласно приведенным данным, бронзовое литургическое ведро следует считать сделанным в Сирии в период времени между серединой X и XII вв. Анализ особенностей представленной композиции позволяет как конкретизировать дату изготовления рассматриваемого предмета, так и высказать предположение относительно среды, где он мог быть создан.

В иконографии изображений налицо следование византийскому прототипу. Усиление византийского влияния в иконографии следует сопоставить с аналогичным явлением, наблюдаемым в мелькитской литургии во второй половине XI в. Согласно исследованиям К. Шарона и Г. Энгбердинга, мелькитская церковь окончательно принимает православный ритуал только к самому концу XI в.[20] До этого времени в мелькитской литургии и богослужебных книгах наличествовали определенные элементы, заимствованные из так наз. антиохийского (монофизитского) ритуала. В этой связи нам представляются существенными два обстоятельства: во-первых, у сирийских яковитов наряду с двенадцатью апостолами наиболее почитаемыми были такие святые, как Диоскор, Север, Яков Барадей и Варсума;[21] во-вторых, яковиты, в отличие от православных, употребляли шестнадцать литургий,[22] из которых четыре: литургии апостолов Якова, Фаддея, Мария и евангелиста Марка – были наиболее чтимыми и употребительными.[23] Таким образом, не связано ли наличие на сирийском памятнике именно шестнадцати изображений святых с определенным идейным воздействием яковитской церкви, ее догматики и ритуала? Коль скоро такие влияния засвидетельствованы в мелькитской литургии[24] и богослужебных книгах,[25] вполне правомочно предполагать их отражение и в вещественных памятниках: т.е. шестнадцать изображений святых могли бы быть ли-

бо изображениями двенадцати апостолов и четырех вышеназванных яковитских святых, либо – персонификацией шестнадцати литургий.

Все сказанное приводит нас к мысли, что наиболее вероятным временем изготовления данного предмета является вторая половина XI в. Именно в это время наибольшего усиления византийского влияния в культурной и религиозной жизни Ближнего Востока, вероятнее всего, и мог быть создан в среде сирийских мелькитов памятник, сирийский по стилю, византийский по иконографии, хотя и имеющий некоторое своеобразие, связанное с воздействием антиохийского ритуала. Можно предполагать, что это литургическое ведро использовалось при особом ритуале освящения воды (ἁγιασματάριον),[26] в котором отразились древние особенности литургии у мелькитов.

Примечания

*Статья представляет собой развитие тезисов моего доклада „Objets d'art melkites de la deuxième moitié du XI siècle" (XVe Congrès international d'études byzantines. Résumés des communications. III. Art et archéologie. Athènes, 1976).

[1]Cândea V. et Agémian S. Icônes melkites. – Exposition organisée par le musée Nicolas Sursock du 16 mai au 15 Juin 1969. Beyrouth, 1969, p. 30.

[2]Ibid.; Cândea V. Une oeuvre d'art melkite: l'icône de Saint Elian de Homs. – Syria, Paris, 1972, t. XLIX, fasc. 1–2, p. 219–238.

[3]Nasrallah J. Hiératicons melkite illustrés. – Proche-Orient chrétien, 1956–1957, t. VI, p. 341; Sauget J.M. Premières recherches sur l'origine et les caractéristiques des synaxaires melkites (XI–XVII s.s.).– Subsidia hagiographica, Bruxelles, 1969, N 45.

[4]Leroy J. Les manuscrits syriaques à peintures conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient. Paris, 1964, p. 229, 241, 341.

[5]Leroy J. L'icône des stylites de Deir Balamend (Liban) et ses sources d'inspiration. – Mélanges de l'Université Saint-Joseph, Beyrouth, 1962, vol. XXXVIII, fasc. 14, p. 358.

[6]Mécérian J. Les inscriptions du mont Admirable. – Mélanges de l'Université Saint-Joseph, Beyrouth, 1962, vol. XXXVIII, fasc. 14, p. 514–515, pl. II, fig. 3a–b; pl. III, fig. 1a–b, 2a–b; Lafontaine-Dosogne J. Itinéraires archéologiques dans la région d'Antioche. – Recherches sur le monastère et sur l'iconographie de S. Syméon Stylite le Jeune, Bruxelles, 1967, p. 73.

[7]Запесская В.Н. Свинцовый медальон с изображением Симеона Столпника. – Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1972, т. 34, с. 15–17.

[8]Nasrallah J. Couvants de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon. –Syria, Paris, 1972, t. XLIX, fasc. 1–2, p. 136.

[9]Laurent J. Des Grecs aux Croisés. – Byzantion. Bruxelles; Paris, 1924, t. 1, p. 384–403.

[10]Эти кресты были приобретены Б.И. Ханенко (см.: Кондаков Н.П. Иконография богоматери. СПб., 1915, т. II, с. 104) и сейчас находятся в Историческом музее в Киеве.

[11]Залесская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и М. Азией в X–XII вв. – В кн.: Восточное Средиземноморье и Кавказ. (В печати).

[12]Поступила в 1884 г. из собрания А.П. Базилевского. Сохранность: сосуд помят и сплющен, верхний край лопнул в двух местах, часть обода утрачена, ряд пробоин по поверхности. Высота 16 см, наибольший диаметр 22 см.

[13]Rohault de Fleury Ch. La messe. – Etudes archéologiques sur ses monuments, Paris, 1887, vol. V, p. 171.

[14]Ibid., p. 175–179, pl. CDXXVII.

[15]Grabar A. Calici bizantini e patene bizantine medievali. – In: Il Tesoro e il Museo. Sansoni, 1971, tav. XLIII, XLIV, XLV, N 41–43.

[16]Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М., 1978, с. 124–126, рис. 111.

[17]Залесская В.Н. К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп сирийских культовых предметов: (По материалам бронзового литья Эрмитажа). – ПС, Л., 1971, вып. 23 (86), с. 84–91.

[18]Кунина Н.З. Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея. – В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973, с. 113–116, 158–139.

[19]Schneider J. Noppendecher des 13. Jahrhunderts. – Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte, 1980, Bd 37, H. 3, S. 217–229.

[20]Charon C. Histoire des Patriarcats Melkits. Rome, 1911, t. III, p. 17; Engberding H. Eine neuerschlossene bedeutsame Urkunde zur Geschichte der östlichen Weihriten. – Oriens Christianus, Leipzig, 1939, Bd 36, H. 1, S. 38–51.

[21]Софрония, еп. Туркестанский. Современный быт и литургия христиан инославных, яковитов и несториан. СПб., 1876, с. 37–38.

[22]Там же, с. 42.

[23]Петровский А. Апостольские литургии восточной церкви. СПб., 1897, с. 251.

[24]Charon C. L'origine ethnographique des Melkites. – Echôs d'Orient, Paris, 1908, t. XI, p. 88; Vailhé S. Melkites et maronites. – Echôs d'Orient, Paris, 1903, t. VI, p. 146.

[25]Charon C. Histoire ..., p. 12–19.

[26]Charon C. Le rite byzantin et la liturgie chrysostomienne dans les patriarcats melkites. – Studi e ricerche inforno a S. Giovanni Crisostomo. Roma, 1908, p. 673–674.

V.N. Zalesskaya

THE OBJECTS OF SYRIAN MELCHITES FROM THE X-XI CENTURIES

The article is devoted to the objectes of Syrian Melchites whose activity in the X-XI centuries was connected with the successes of the Byzantine armies over the Arabs in Syria and Palestine in the middle of the Xth century. There are the lead eulogy-medallions with St. Simeon the Stylite from the Miraculous mountain, the bronse crosses which usually bear the scenes of the Crucifixion, the Virgin with the four evangelists, different saints in the attitude of orans, the bronze censers with evangelistic scenes and the liturgical situla with sixteen saints in the paradise. The last item is interesant by blending of different iconographical elements one of them were usual in the Byzantine world and the others embodies the old Antiochene (monophysite) traditions.